АЗИЯ 18.03.2026 | Ибрагим Каиш

В эпицентре новой «Большой игры»

Война в Иране меняет евразийскую архитектуру безопасности: Центральная Азия становится самостоятельным геополитическим игроком

Центральная Азия трансформируется из периферийного объекта влияния в ключевой геополитический шарнир, где Китай агрессивно адаптирует инициативу «Один пояс, один путь», переориентируя ресурсы на транскаспийский вектор после инвестиционного фиаско в Иране. Турция форсирует институционализацию тюркского пространства через Организацию тюркских государств, превращая Средний коридор в основную артерию евразийской торговли. Российская Федерация, ограниченная ресурсным и военным перенапряжением из-за войны в Украине, теряет роль монопольного гаранта безопасности, стимулирующего США к интенсификации стратегии «С5+1» с фокусом на критические минералы. Дальнейшая стабильность региона будет зависеть от успешности стратегической балансировки местных элит в условиях новой «Большой игры», где инструменты влияния смещаются от территориального контроля к контролю над технологическими стандартами и энергетическими узлами.

Военная эскалация, начавшаяся 28 февраля 2026 года с операции Midnight Hammer, радикально изменила баланс сил в Транскаспийском регионе, спровоцировав каскадный эффект региональной нестабильности. Устранение высшего руководства Ирана и дальнейшая дезорганизация государственного аппарата привели к немедленной блокировке Ормузского пролива, что парализовало значительную часть мировой торговли энергоносителями и продовольствием. Для государств Центральной Азии этот конфликт стал точкой стратегического излома, поскольку он фактически аннигилировал Международный транспортный коридор «Север – Юг» (INSTC), на который Казахстан и Узбекистан возлагали надежды как на альтернативу российским маршрутам.

Формируется структурная предпосылка возникновения длительной зоны нестабильности, что генерирует значительный риск перелива

конфликта на территорию Южного Кавказа и Центральной Азии. В частности, удары по объектам в Нахичевани продемонстрировали, как быстро боевые действия могут дестабилизировать ключевые сегменты Среднего коридора, соединяющего регион с европейскими рынками через Турцию. Коллапс иранской логистической системы заставил региональных акторов искать немедленные альтернативы, что спровоцировало так называемое бегство в безопасность в сфере логистики, где приоритетность транскаспийских маршрутов выросла экспоненциально.

Экономические последствия для региона оказались дестабилизирующими уже в первые недели после начала боевых действий, особенно в связи с иранским запретом на экспорт продовольствия от 3 марта 2026 года. Это привело к немедленному дефициту и инфляции цен на товары первой необходимости в Казахстане, Таджикистане и Туркменистане, подрывая внутреннюю стабильность этих государств. Геополитическая фрагментация Ближнего Востока создает вакуум, заставляющий столицы Центральной Азии пересматривать свою многовекторную политику в сторону усиления связей с Турцией, Китаем и США во избежание полной зависимости от российских логистических сетей.

Китай как ключевой бенефициар региональной нестабильности

Пекин демонстрирует высокую адаптивность в реагировании на иранский кризис, рассматривая его не только как угрозу своим капиталовложениям, но и возможность для окончательного закрепления доминирования в Центральной Азии. Хотя КНР потеряла часть обещанных $400 млрд инвестиций в иранскую инфраструктуру, китайская стратегия хеджирования рисков позволила оперативно перебросить капитал в более стабильные юрисдикции. В 2025 году китайские инвестиции в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (BRI) уже демонстрировали рекордный рост, достигнув $213,5 млрд, при этом объем вложений в Центральную Азию вырос почти вчетверо.

Китай использует финансовую мощь для создания ситуации «инфраструктурного монополизма»

Казахстан стал главным реципиентом китайской финансовой экспансии, получив $25,8 млрд в 2025 году, что свидетельствует о подготовке Пекина к сценарию длительной нестабильности на южных границах Евразии. Китай использует финансовую мощь для создания ситуации «инфраструктурного

монополизма», где контроль железных дорог и трубопроводов становится инструментом политического влияния. Запуск строительства железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан (CKU) стоимостью $4,7 млрд является критическим элементом этой стратегии, позволяя Китаю сократить путь в Европу, полностью игнорируя территорию России и нестабильный Иран.

Однако китайская экспансия сталкивается с латентным сопротивлением местного населения, где опасения по поводу «долговой ловушки» и экологических последствий китайских проектов остаются сдерживающим фактором для полной политической интеграции. Пекин пытается нивелировать эти риски через расширение сотрудничества в сфере безопасности, в частности через создание постоянного секретариата формата «Китай – Центральная Азия» (C+C5) в Сиане, действующего вне ШОС и позволяющего вести прямой диалог без участия Москвы.

Турция и формирование «тюркского геополитического пространства»

Анкара рассматривает текущую геополитическую турбулентность как уникальное окно возможностей для трансформации Организации тюркских государств (ОТГ) в полноценный военно-политический и экономический блок. Стратегия Турции эволюционировала от культурно-гуманитарного пантюркизма 1990-х до жесткого прагматизма, где экономические коридоры подкрепляются военно-техническим сотрудничеством. Экспорт оборонной продукции, в первую очередь ударных БПЛА и систем ПВО, стал «новым козырем» турецкой дипломатии в регионе, позволяющим странам Центральной Азии диверсифицировать свои арсеналы, отходя от российских стандартов.

Формирование тюркского геополитического пространства базируется на институционализации и создании новых центров принятия решений. Создание Постоянного совета тюркских государств по экономическому партнерству с головным офисом в Ташкенте, предложенное в 2025 году, сигнализирует о переходе к долгосрочному стратегическому планированию. Анкара умело использует этническую и лингвистическую близость для легитимизации своего присутствия, представляя себя как

«безопасную альтернативу» между китайским экономическим диктатом и упадочным российским доминированием в сфере безопасности.

Анкара умело представляет себя как «безопасную альтернативу» между китайским экономическим диктатом и российским доминированием в сфере безопасности

Проведение совместных учений, таких как Unity-2025 в Узбекистане, и предложения Ильхама Алиева по созданию единой системы военных маневров ОТГ на 2026 год свидетельствуют об амбициях по созданию региональной архитектуры безопасности без участия РФ.

Проектирование «Зеленого энергетического коридора» для экспорта электроэнергии из Центральной Азии через Каспий и Азербайджан в Турцию и Европу создает новую сеть зависимостей, где Анкара играет роль ключевого узла.

Модернизация железной дороги Баку – Тбилиси – Карс (BTK), которая способна обрабатывать до 5 млн тонн грузов, и расширение порта Актау под эгидой турецких и азербайджанских логистических компаний превращают *Middle Corridor* в основной путь для контейнерного транзита.

Особое значение имеет Зангезурский коридор, который Азербайджан и Турция рассматривают как «новую транспортную артерию», соединяющую Средний коридор с маршрутом «Север – Юг», создавая интегрированную евразийскую сеть под тюркским контролем. Несмотря на успехи, Турция ограничена финансовыми ресурсами по сравнению с Китаем, что вынуждает Анкару действовать в партнерстве с западными институтами и программами ЕС, такими как *GlobalGateway*, для финансирования крупных проектов.

Стратегическое истощение России и эрозия регионального влияния

Российская Федерация в 2026 году столкнулась с критическим вызовом своей гегемонии в Центральной Азии. Война в Украине привела к стратегическому истощению военных, демографических и финансовых ресурсов Кремля, что подрывает его способность выполнять роль «жандарма» региона. Москва вынуждена выбирать

между поддержкой фронта в Европе и сохранением влияния на периферии, что ведет к постепенной деградации Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в качестве действенного инструмента.

Экономическая модель российского влияния также испытывает эрозию из-за милитаризации экономики и перегрева внутреннего рынка. По состоянию на 2025 год учетная ставка ЦБ РФ достигла 21 процента, что свидетельствует о глубоких структурных проблемах и ограничениях возможностей для инвестиций в соседние страны. Сокращение денежных переводов трудовых мигрантов, составляющих более 30 процентов ВВП Таджикистана, создает предпосылки для социальной нестабильности, которую Москва уже не способна сдерживать финансово.

Москва вынуждена выбирать между поддержкой фронта в Европе и сохранением влияния на периферии

Тем не менее Кремль перешел к стратегии «низкозатратного спойлерства», используя остатки контроля над критической инфраструктурой. Попытки навязать «Газовый союз» Казахстану и Узбекистану через структуры «Газпрома» являются формой «инфраструктурной войны», направленной на блокирование прямых поставок энергоносителей в Китай или Европу вне российского надзора. Россия также использует «гибридные инструменты», такие как контроль над Каспийским трубопроводным консорциумом (КТК) для периодического давления на Казахстан.

Политика США относительно Центральной Азии после иранской войны

Вашингтон в 2026 году демонстрирует прагматический возврат к активной политике в регионе. Саммит формата «C5+1» в Вашингтоне с участием президента Трампа ознаменовал переход к конкретным инвестиционным обязательствам в рамках «Диалога по критическим минералам».

Центральная Азия владеет колоссальными запасами урана и редкоземельных элементов. Вашингтон стремится разорвать монополию КНР и РФ на переработку этих ресурсов. Модернизация

энергосетей и внедрение цифровых стандартов управления границами будет использовано для вытеснения российских технологических стандартов, а проект TRIPP (*Trump Route for International Peace and Prosperity*) – как механизм создания защищенных транспортных коридоров.

Предложение президента Казахстана Токаева переименовать формат в «С5 и Соединенные Штаты» свидетельствует о готовности региона к повышению субъектности. США привлекают капитал арабских монархий для дериска капитальных потоков.

Новая «Большая игра» потребует от государств С5 более глубокой внутренней интеграции для защиты своих интересов

Современная конкуренция в Центральной Азии – это уже не борьба за территориальное владение, а соревнование системной разведки, технологического контроля и инфраструктурного права. Субъектность государств региона значительно возросла: они активно осуществляют стратегическую балансировку.

К 2030 году возможны три сценария развития: превращение региона в экономический протекторат КНР с внедрением цифрового юаня; успешная реализация железной дороги CKU и Среднего коридора (11 млн тонн грузов), снижение влияния РФ до уровня миноритарного акционера или дестабилизация из-за перелива иранского хаоса, остановка транзитных проектов и формирование отдельных «зон влияния» вокруг месторождений.

Центральная Азия окончательно перешла из статуса «заднего двора» России в статус самостоятельного геополитического шарнира Евразии. Война в Иране в 2026 году ускорила тектонические сдвиги, где *Middle Corridor* и железная дорога CKU становятся фундаментом нового порядка. Ключевым фактором устойчивости региона является способность к диверсификации: Китай предоставляет капитал, Турция – инструменты безопасности, США – технологии. Однако структурная уязвимость (вода, энергосети) остается ахиллесовой пятой. Новая «Большая игра» потребует от государств С5 более глубокой внутренней интеграции для защиты своих интересов.

Оригинал статьи вышел на сайте Центра ближневосточных исследований (AMES)

По этой ссылке статья откроется без VPN

Ибрагим Каиш

Ибрагим Каиш – аналитик и автор материалов в Центре ближневосточных исследований (AMES).